

УДК 321.914.1+9 (47.3)

М.В.Крутова

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РАБОЧИХ
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК
(НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА)**

Ивановский государственный университет

In this article stages in formation of migratory policy of the Soviet state concerning workers per 1928 — 1940 in a regional cut are marked out and efficiency of realization of migratory policy on an example of the Central industrial region is estimated on the basis of archival and statistical data.

В рамках изучения исторического прошлого нашего государства во взаимосвязи с современными социальными процессами представляется важным обращение к опыту организации миграционных процессов в СССР в годы первых пятилеток. Указанный период — годы модернизации экономики, коренных изменений в системе управления народным хозяйством, конечной целью которых было превращение советского государства в кратчайшие сроки в индустриальное государство. Достижение этой цели было невозможно без выстраивания четкой миграционной политики в отношении трудовых ресурсов страны и ее эффективной реализации.

В отечественной историографии миграционные процессы самостоятельного общественного слоя отдельного региона — в нашем случае рабочих Центрального промышленного района, старейшего индустриального района страны, — еще не становились предметом самостоятельного исследования.

Как правило, миграционную политику определяют задачи социально-экономического развития государства и общества в определенный исторический период. В годы первых пятилеток цель построения плановой экономики определила и цель миграционной политики — плановое снабжение различных предприятий и строительства рабочей силой, а создание в кон-

це 1920-х гг. административно-командной системы определило и методы достижения этой цели — планирование и жесткое государственное регулирование миграционных процессов рабочих.

В формировании миграционной политики в годы первых пятилеток можно выделить три этапа, каждый из которых отличался своими особенностями: первый этап — 1928—1930 гг., второй — 1931—1937 гг., третий — 1938—1940 гг.

Вплоть до 1928 г. рынок труда находился в состоянии свободной конкуренции между рабочими. Фактически в условиях безработицы предприятия обеспечивали себя рабочей силой самостоятельно, а миграционная политика государства в отношении рабочих Центрального промышленного района (ЦПР) была направлена на уменьшение количества безработных путем трудоустройства их через сеть бирж труда. Основной формой перемещения рабочей силы внутри ЦПР к 1928 г. была стихийная миграция: промышленные центры региона (Москва, Ярославль, Владимир, Иваново, Шуя, Кинешма и др.) поглощали отходников из близлежащих сельских местностей.

Запланированное первым пятилетним планом строительство и ввод в эксплуатацию предприятий требовало перемещения огромных людских ресурсов. В 1928—1930-х гг. государство пыталось через органы труда ликвидировать безработицу и обеспечить все стройки необходимой рабочей силой, выступив в качестве посредника между рабочими и предприятиями. Разветвленный аппарат органов труда занимался вербовкой рабочей силы для предприятий, испытывающих в ней потребность. Однако большая часть населения, как и в предшествующий период, уходила на заработки самостоятельно, самотеком. Так, в апреле 1928 г. в Иваново-Вознесенской губернии «ушедших по вербовке корреспондентских пунктов строителей было 21,8%, а в мае — 22,3%. Более 75% отходников уходило в город неорганизованно» [1]. В целях скорейшего трудоустройства многие из них были готовы уехать в любые регионы страны. На наш взгляд, стихийная миграция рабочих ЦПР несмотря на попытки государственного регулирования в эти годы была ответом на кризис в обеспечении людей работой.

Чтобы урегулировать миграционные потоки и покрыть нужды предприятий в рабочей силе государству пришлось в административном порядке закрепить за промышленными центрами региона области выхода рабочих. Так, районы Ивановской промышленной области (ИПО) (территория современных Костромской, Владимирской, Ярославской, Ивановской областей) снабжали рабочими столицу и Московский регион. Таким образом правительство поддерживало первоочередное миграционное притяжение Москвы среди городов региона, которое также было обусловлено статусом столицы и ролью города в политической и экономической жизни страны. В силу своей привлекательности ЦПР поглощал массы рабочих из Центрально-Черноземной и Западной областей, Мордовской и Татарской АССР.

Строительство и реконструкция предприятий, набравшие активные темпы в середине первой пятилетки, привели фактически к полному использованию

рабочей силы в городах и устранению явной безработицы, о чем и было объявлено государством в 1930 г. Исчезновение открытой безработицы поставило перед государством задачу применения более эффективных мер по обеспечению предприятий рабочей силой. Меры государства по ликвидации безработицы и проведению вербовок рабочей силы для нужд предприятий трансформировались в планирование объемов и государственное регулирование направлений миграционных потоков. Предприятиям необходимо было рассчитать потребность в рабочей силе и представить сведения в органы труда, которые в свою очередь определяли предполагаемые районы вербовки рабочих. Вербовщики хозяйственных организаций сами набирали рабочих в отведенных им районах среди постоянных отходников. Однако разнарядка для отдельных регионов была просто непосильна, а следовательно, директивы органов труда не выполнялись. Показательной является ситуация по снабжению рабочими предприятий Магнитостроя и Кузнецкостроя в 1930 г. В течение трех месяцев Наркомат труда СССР пытался путем директив, собраний и обсуждения источников пополнения рабочими доставить на указанные предприятия 5 тыс. рабочих. В первую очередь для вербовки были выделены районы Центрально-Черноземной области, однако в связи с отсутствием там свободных рабочих для вербовки были выделены еще и районы ЦПР. Тем не менее местные органы сообщали о невозможности в полной мере выполнить разнарядку, несмотря на все предпринимаемые усилия [2].

Таким образом, до рубежа 20-х-30-х гг. стихийная миграция преобладала, и государству с трудом удавалось регулировать миграционные процессы.

Форсированная индустриализация страны и отсутствие нужного количества рабочих в городах привели не только к выкачиванию из деревни материальных ресурсов, но и к превращению большей части крестьянского населения в рабочих. Во исполнение этой задачи государство в 1931 г. объявило о переходе к политике организованного набора рабочей силы из сельской местности.

Переход к политике оргнабора рабочих является рубежным моментом и началом второго этапа в формировании миграционной политики с 1931 по 1937 гг. На колхозы возлагалась обязанность организовывать у себя учет излишков рабочей силы и направлять их в промышленность и строительство. Между предприятиями и колхозами заключались договоры о предоставлении рабочей силы. Договорные отношения должны были обеспечить плановое снабжение предприятий рабочей силой и прекратить самовольное перемещение рабочих в любых направлениях. Переход к практике организованного набора был связан со становившейся все более острой нехваткой рабочей силы на промышленных объектах и строительстве, а также с неспособностью органов труда эффективно регулировать миграционные потоки. Организованный набор стал одной из преобладающих и одобренных государством форм миграционного движения рабочей силы на протяжении 1930-х гг. Только в 1934 г. в порядке оргнабора из ИПО было направлено 18,3 тыс. человек. Наибольший объем миграци-

онных потоков пришлось на Московскую область (6,6 тыс. чел.), Ленинградскую область (5,5 тыс. чел.), Дальний Восток (5 тыс. чел.) [3].

Для второго периода характерны существенные межрегиональные миграционные потоки. Огромные масштабы строительства и ввод в эксплуатацию промышленных гигантов в малонаселенных регионах страны не позволили полностью обеспечить предприятия рабочей силой из близлежащих территорий. На Урал, Сибирь, Север государству пришлось санкционировать миграционные процессы тысяч рабочих со всех регионов страны. Поэтому государственному регулированию подверглись не только формы миграционного движения, но и направления перемещений рабочих. Особенно в годы первой пятилетки государство не считалось ни с финансовыми затратами на перемещение рабочих, ни с приживаемостью людей в других природно-климатических условиях. Периодически возникавшая паника по поводу отсутствия рабочих, а следовательно, возможности срыва выполнения показателей, намеченных планом, приводила к хаотичной переброске рабочих из различных регионов на весьма отдаленные расстояния. Исключением не был и ЦПР, выходцы из которого трудились на Днепрогэсе, Магнитке, Кузнецкострое, Челябинском тракторострое и на многих других значительнейших объектах.

С середины первой пятилетки самостоятельный отток рабочих ЦПР на крупнейшие стройки страны, ощущавшие острую нехватку кадров, был незначительным. На наш взгляд, это было обусловлено несколькими факторами. Индустриальный характер ЦПР способствовал поглощению промышленными центрами региона местного населения. Учитывая данный факт, Наркомат труда при распределении районов вербовки неквалифицированных рабочих для нужд промышленных гигантов страны (т.е. на межрегиональные миграции), выделял меньшее количество рабочих из ЦПР для вербовки по сравнению с другими районами. Больше количество населения привлекалось из черноземных областей, где сильно было так называемое аграрное переселение. Ну и, наконец, многие рабочие столичных предприятий не желали ехать в провинцию.

На вновь открывшиеся предприятия были необходимы не только рабочие различных строительных специальностей, но и квалифицированные промышленные кадры, подготовить которые в столь сжатые сроки не представлялось возможным. Поэтому государство перешло к практике переброски рабочих с менее значимых объектов народного хозяйства на первоочередные — мобилизациям, которые становятся второй после оргнабора преобладающей формой государственного регулирования миграционных процессов рабочих. Мобилизационные кампании представляли собой командирование рабочих в добровольно-принудительном порядке на индустриально-значимые предприятия страны с дальнейшим их закреплением там. Государством определялись направления мобилизаций (места вселения), профессиональная деятельность мигрантов (профессии и специальности), их поло-возрастной состав. Индустриальный характер ЦПР, а также наличие квалифицированных рабочих позволяло государству в порядке

мобилизаций перебрасывать значительное количество рабочих для нуждающихся предприятий Урала, Сибири и других регионов.

Таким образом, межрегиональные миграции рабочих ЦПР (наибольшая их активность пришлась на 1928—1937 гг.) осуществлялись в большей степени при жестком государственном регулировании. Мобилизации были, на наш взгляд, вынужденной мерой для государства и ответом на отсутствие свободных рабочих рук в местах вербовок, а также на нежелание рабочих ЦПР в добровольном порядке перемещаться на провинциальные предприятия близлежащих областей, уральские и сибирские предприятия. В 1931—1937 гг. сохранялись и самостоятельные миграционные процессы рабочих ЦПР, однако они носили преимущественно внутрирегиональный и близрегиональный характер.

В годы третьей пятилетки, начиная с 1938 г., в целом миграционная политика государства была направлена уже на мобилизацию усилий по привлечению рабочей силы внутри регионов, т.е. государство переходит к политике внутрирегиональных и внутриобластных миграций. Это было обусловлено уменьшением потребности регионов в миграционных процессах, а также тем, что межрегиональные миграции, требовавшие от государства огромных финансовых вложений, вызывали значительную обратную миграцию. Государство, особенно в отношении сектора сезонных работ, требовало максимального использования рабочей силы своих областей. Вследствие этого к концу 1930-х гг. объем межрегиональных перемещений резко сократился.

Однако стихийная миграция не поддавалась государственному регулированию и составляла еще значительную долю от общего объема миграций. В 1938—1940-х гг. государство перешло к практике предоставления районов вербовки не отдельным предприятиям, а наркоматам, которые уже в свою очередь выделяли их для предприятий. Причем руководство наркоматов просило выделять постоянно одни и те же районы с целью более детального их изучения вербовщиками и более эффективного набора рабочих. На протяжении конца 20-х — 30-х гг. вербовочная деятельность была инструментом привлечения рабочих в нужных направлениях.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что на протяжении 1928—1940-х гг. советское государство сформировало отличную от предшествующего периода миграционную политику.

Индустриальный характер Центрального промышленного района сыграл решающую роль в определении миграционных процессов на его территории в исследуемый период. Другим не менее важным фактором, определившим миграционные процессы, были социально-экономические преобразования той эпохи — переход от рыночной экономики к плановой. Третьим фактором можно назвать государственное регулирование, все более усиливавшееся на протяжении 1930-х гг. Таким образом, эти три фактора в общей совокупности являлись определяющими для сложившихся миграционных процессов.

В годы первых пятилеток наблюдались как внутрирегиональные, так и межрегиональные мигра-

ционные процессы рабочих ЦПР. Самостоятельные миграции носили в большей степени внутрорегиональный характер. При отсутствии государственного регулирования рабочие перемещались в знакомые им районы внутри ЦПР, либо в близлежащие регионы. Для ИПО притягательными были Московская и Горьковская области. Большей миграционной активности были подвержены низкоквалифицированные рабочие. Межрегиональные миграции рабочих ЦПР в значительной мере были санкционированы и организованы государством.

Миграционные процессы рабочих ЦПР, как внутрорегиональные, так и межрегиональные, сыграли значительную роль в процессах индустриализации страны.

Миграционная политика государства в отношении рабочих была направлена на жесткое регулирование и планирование миграционных процессов. Однако несмотря на все предпринимаемые меры на протяжении всего рассматриваемого периода государство не смогло пресечь самостоятельного перемещения рабочих. В условиях острого дефицита рабочей силы государству приходилось мириться с существующим положением дел, предпринимая попытки усовершенствования мер по регулированию миграционных процессов в нужных направлениях. Безусловно, плановое перемещение огромных потоков рабочих не знало примеров в историческом опыте России. Советскому государству в годы первых пятилеток путем проб и ошибок приходилось приспосабли-

ваться к регулированию миграционных процессов, а не свободно руководить ими.

В условиях 1930-х гг. выбранный государством путь казался наиболее эффективным для достижения целей миграционной политики в короткий временной промежуток. Однако прямое воздействие на миграционные процессы не было полностью успешным и не в полной мере дало ожидаемые результаты. Противодействие рабочих проводимым мероприятиям выражалось в отказе переселяться, текучести рабочей силы, достигавшей на отдельных предприятиях чуть ли не 100% в течение года, высокой обратной миграции населения. Ни вербовки, ни оргнабор, ни мобилизации не обеспечили полного регулирования миграционных процессов в нужных направлениях.

При регулировании миграций рабочих ЦПР в 1930-е гг. не был соблюден баланс между интересами рабочих и интересами государства. Безусловный уклон был сделан в сторону процессов модернизации экономики страны. Дальнейшая история показала, что сделанный советским правительством выбор позволил государству успешно модернизировать народное хозяйство страны и отстоять независимость в годы Великой Отечественной войны.

-
1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.Р-1283. Оп.1. Д.54. Л.91.
 2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-5515. Оп.17. Д.79.
 3. ГАИО. Ф.Р-1510. Оп.1. Д.6015. Л.10-12.